

* * *

Я принял эту жизнь всерьёз,
Ещё не думая о Слове,
При свете человеческих слёз,
При цвете человеческой крови.

Но Слово вещее всерьёз
Рвануло горло возле жилки! –
И кровь не отличить от слёз,
Улыбку боли – от ухмылки.

В БАНЬКЕ

Ай, как в баньке русской –
да татарский жар!

Жалится-покусывает
Змей Горыныч – Пар...

Изморозь по коже... –
ладно, поглядим.

Ну а Змей, похоже, –
Яро-невредим!

Страшно забираться,
братцы, на полок

Да за ковшик браться,
В коем кипяток.

Как струёю узкой
в камешки плеснёшь
И листок капустный
К лысине прижмёшь...

Зашипит в камнях
Змей – и в потолок!

Начинай сражение
За родной полок!

Веничек, как сабля! –
жить ещё и жить!

Но рука ослабла
Пар кружить-крушить...

Не отдам ни пяди!
Но ярится Змей

И меня же ради –
Жарит-жалит злей.

Я ли не татарин –
русский-сибиряк?

До костей пропарен –
Парень-с-печки-бряк!

Ай! – желанна сеча!
Ой! – исхлестан весь...

Ай! – сугроб-предтеча
Недалече есть.

з

Выползу из банки,
 аж не чуя ног:
 Ой, запеленайте
 В маменькин снежок...

МОЙ СТОЛ

Мой стол и столб,
 И ствол животворящий,
 И столп грядущего с листвою говорящей...

Вот муравей
 Струится по стволу –
 Прикована строкой моя рука к столу.

В оковах слов
 Членится мысль моя,
 Похожая на бронемуравья...

Щекочется
 И по листу бежит,
 Как почерк мой – к венцу стиха спешит!

Мой стол и ствол,
 И я, как муравей,
 Вверх по стволу – бегу-бегу скорей...

Скорей... Скорей!
 Но муравейник мой
 В сто тысяч голосов зовёт: «Домой, домой».

Домой... домой...
 И ночь в траве течёт,
 Но муравейник звёзд меня влечёт.

Да кто же ты?
 Каких таких кровей?
 Твой братский муравейник – у корней...

Мой стол и ствол...
 И я, пока могу, –
 В ущелье муравьином вверх бегу...

Там вниз и вверх
 Мерцают муравьи –
 Божественные братики мои...

РАЙСКАЯ ЯГОДА

То ли милость Божия, то ли искушение:
 В брошенной усадьбе зреет угощение...

Забрести так хочется с видом именинника
 По коровьей просеке в марево малинника.

Грядки, одичавшие лебедой с ромашкою, –
 Алье клубничины забродили бражкой.

Цепью пёс не лязгает, не видать хозяина –
 То ли рай потерянный, то ли так, окраина...

То ли попущение вышло мне Господнее –
 Переспелой ягодой манит преисподняя.

И ограда ветхая... ветхая-заветная.
 Красная смородина – ягода запретная!

Ягода запретная... яблоня нездешняя...
 Кровоточит веточка вся невольной-грешная.

То ли кровь соседская, то ль добро природное:
 Вызрело под солнышком – стало всенародное!

А в репье цыганится чёрная смородина.
 То ли моя Родина, то ли я – уродина...

Жало оголённое проволоки ржавленной
 Возле локтя дёрнется... – вздрогну, как
 ужаленный.

Обомлеет душенька древним Божьим ужасом –
 Не ходи за ягодой по местам разрушенным.

Не прельщайся ягодой в час её падения –
 Опустеет душенька в это же мгновение...

А полынь с ромашкою сад обжили благостно.
 Это милость Божия... это птицам лакомство.

Ну, а станешь птичкой – птичкой-невеличкой,
 Где увидишь – лакомясь райскою клубничкою.

* * *

И умереть не страшно,
 И на птиц не смотреть...
 Вот она – рифма: пашня.
 Это правда – на треть.

Две остальные рифмы
 Пусть неизвестны мне –
 Словно окурки «Примы»
 Валяются на окне.

Словно простой окуроч... –
 На это похожа смерть.
 Беги от него, придуроч, –
 Не трогай и эту треть.

А третья треть – простая:
 Смерть – она просто дрожь.
 Страницы судьбы листая,
 И третью треть не трожь!

КЛЁН

Набухающий венами клён
Стрекозиную держит брошь.
Как Сергей – ни в кого влюблён,
На Есенина он похож.

Брошка крылышками верещит –
Галстук-бабочка на плече.
Сквозняком жёлтый лист пришит
На лице.

Он забыл навсегда Москву.
Ну кому он такой, зачем?
Ветерок трепыхнул листву –
И пиджак повис до колен.

А пиджак на нём – голубой,
Кровь рябиновая на рукаве...
Он забрызган мёртвой водой,
С колокольчиком в голове...

За окном пустой Ленинград,
Ну, а в комнате – губчека
Совершает ночной обряд
И в крови купает щенка.

Колокольчик звенит-звенит –
Словно в поле пасут телят.
И рванулись стихи в зенит,
Ну а там – журавли летят.

Синий-синий курлыкнул взор –
Он щенка потрепал рукой.
За окошком раненый бор
Поглядел на него с тоской.

Поглядел на излучья вен:
Как набухли!.. – и сдунул брошь.
Клён из времени перемен...
На Есенина он похож.

* * *

Черёмушник иссиня-чёрный –
В сиянье капель
Дождевых.
И листик рдяно-золочёный
На голой веточке
Затих.

Мы зимовать одни остались –
На даче,
В пасмурном бору.
Хвоинки к сыну прицеплялись.
Раздвоенные
На ветру.
Как иностранцы, мы гуляем,
Не узнавая
Летних мест,
И тишина собачьим лаем
Вдруг отзывается
Окрест.
За Томью – в облачном разрыве –
Имперский полыхнёт
Костёр,
А влажный ветер на обрыве
Целует нас
И гонит в бор,
В черёмушник иссиня-чёрный –
На дачу,
Где вскипает чай,
Где листик рвано-золочёный
На чай попался
Невзначай.

ПЕРЕД ВЫЗДОРОВЛЕНИЕМ

Сергею Донбаю

Как тропинки прогоркли:
Это оттепель – вдруг.
Запершит, точно в горле,
Птичий тающий звук.

И зажмуришься: Боже...
И в окне увидеть:
Дни всё больше и больше –
Их так сладко вдыхать.

И деревья, деревья
В этом новом году
Тало-снежные перья
Отрясают в саду.

И дышать не больнее,
Чем прощать и любить.
Дни длиннее, длиннее –
Вот и жить бы и жить.

